

Глава 10. Деревня древних призраков (8)

За дверь оказался вовсе не Лу Чжао, как ожидал Чэн Минь, а деревенский староста.

Он невольно прикусил язык — он уже был готов сорваться на резкость, приняв гостя за назойливого коллегу.

Лицо старосты покрывал слой густого грима. Красные и зелёные мазки, наложенные поверх морщинистой кожи, в сочетании с одеждой, больше напоминающей связку грязного тряпья, превращали его в подобие дикарского шамана или колдуна из малобюджетных фильмов ужасов.

— Дядя староста, что-то случилось? — вежливо осведомился Чэн Минь.

Тот поправил свои лохмотья и проскрипел:

— Да ничего особенного. Просто хотел напомнить: ночью на улицу ни ногой.

— Это ещё почему? — Чэн Минь слегка нахмурился. Он не любил необоснованных запретов, чувствуя себя при этом несмышлёным ребёнком.

— Эх, не спрашивай, — староста сложил ладони вместе, закрыл глаза и быстро забормотал что-то себе под нос — видимо, какую-то молитву или заклинание. Закончив обряд, он снова взглянул на постояльца и добавил: — В общем, оставайтесь здесь. Что бы ни случилось, не выходите наружу.

В этот момент дверь соседней комнаты приоткрылась, и в коридор выглянул Цинь Яо.

— Дядя, в чём дело? Жертвоприношение Горному богу прошло удачно?

Староста кивнул, и он довольно улыбнулся. Было видно, что искреннее почтение Цинь Яо к местным святыням пришлось ему по душе.

— Горный бог милостив, — отозвался он. — Он явил нам свою волю: ни в коем случае не приближайтесь к реке Ваншуй, иначе беды не миновать.

— Хорошо, дядя, я запомню, — послушно ответил Цинь Яо. С этим кротким выражением лица он походил на невинное дитя, чьи помыслы чисты и незатейливы.

— Вот и молодец, — похвалил староста. — Слушайся старшего брата и не смей убежать.

Как только старик скрылся из виду, заговорил Чжан Цзыман:

— Что он хотел?

Чэн Минь пересказал наказ старосты и поинтересовался у товарищей, не стоит ли им, вопреки предупреждению, всё же выбраться ночью на разведку. Осколок измерения сам себя не найдёт.

— Думаю, не стоит, — после недолгого раздумья ответил Цинь Яо. — Ситуация слишком туманная. Нет смысла лезть на рожон и первыми проверять, где зарыты мины.

Чэн Минь втайне облегчённо вздохнул. Больше всего он опасался, что Цинь Яо и Чжан Цзыман загорятся идеей ночной прогулки, и тогда ему, пересилив страх, пришлось бы тащиться следом.

Вскоре прибежал слуга и сообщил, что ужин подан. Деревенский дом — не роскошный отель, здесь не готовят по первому требованию, поэтому капризничать никто не стал. Даже те, у кого совсем пропал аппетит, спустились в холл: лучше было заставить себя съесть хоть что-то, чем мучиться от голода глухой ночью.

Атмосфера за столом была гнетущей. Большинство Странников сидели с мрачными лицами, и лишь Лу Чжао сохранял невозмутимость. Он изящно ковырялся в салате, словно смерть Лю Хо его совершенно не касалась.

— Послушайте.

Юй Фансюй отложил палочки и неспешно вытер губы салфеткой.

— Господин Лу хочет чем-то поделиться?

Чэн Минь сидел, уткнувшись в тарелку, и методично кромсал палочками кусок моркови.

— Я обнаружила следы «цели», — таинственно прошептала Лу Чжао.

Юй Фансюй вскинул бровь.

— О? Господин Лу говорит серьёзно?

Раз уж она решила играть в открытую, притворяться дальше не имело смысла.

— Ты мне не веришь? — Лу Чжао раздражённо откинула прядь волос за плечо. — Я не из тех,

кто бросает слова на ветер.

— В таком случае, может, расскажете подробнее? — мягко предложил Юй Фансюй.

Лу Чжао, поколебавшись мгновение, сдалась:

— Ладно, слушай. Сегодня днём я тайком проследила за жителями до самого Храма Горного бога...

Она принялась вполголоса излагать свои находки, не заметив, как Чэн Минь, сидевший рядом, то и дело бросал на неё настороженные взгляды.

Чэн Минь видел, что Юй Фансюй после её слов ошутимо помрачнел. Ему хотелось расспросить его немедленно, но момент был неподходящий, так как...

— Господа.

Староста возник из ниоткуда. Цинь Яо заметил, что он вышел из кухни, неся в руках огромный, лоснящийся от жира мешок. От этого запаха, тяжёлого и неприятного, к горлу подступала тошнота.

Все за столом замерли, ожидая, что скажет старик.

Староста достал из мешка какой-то ржаво-жёлтый предмет и протянул его Цинь Яо.

— Держи крепко. Смотри не потеряй.

Вскоре такие же предметы оказались у каждого. Чэн Минь повертел свой подарок в руках: это была старинная масляная лампа, подобные обычно используют для подношений в храмах.

Застывшее масло имело странный, буро-рыжий оттенок и выглядело довольно отталкивающе. Торчащий из него белый фитиль отливал слабым серебром.

— Что это за материал? Непохоже на обычную нить, — пробормотал Цинь Яо.

Ответ старосты заставил Странников содрогнуться. У некоторых возникло непреодолимое желание немедленно отбросить подарок в сторону.

— Человеческая жила.

Чжан Цзыман мельком глянул в свою тарелку и молча отложил палочки.

— Вы уж не брезгуйте, — староста заговорил тоном наставника, поучающего неразумных детей. — Эта лампа заправлена освящённым маслом, смешанным с рисовой мукой. Она отпугивает нечисть. А без человеческой жилы её и вовсе не зажечь!

От этих слов по спинам присутствующих пробежал холодок. Чэн Минь не выдержал:

— Зачем нам отпугивать нечисть? Здесь небезопасно?

Едва он договорил, люстра в центре потолка мигнула. Где-то в углу раздался испуганный вскрик — это была та самая девушка в очках, которая весь вечер сидела тише воды, ниже травы.

Мрак рассеялся почти мгновенно, холл снова залил ровный свет, и староста поспешил успокоить гостей:

— Не бойтесь, не бойтесь. В деревне проводка старая, вечно замыкает. Всё в порядке.

Девушка вцепилась мёртвой хваткой в руку соседа. Чэн Минь присмотрелся и увидел, что её защитником стал тот самый нерешительный парень в очках. Он лишь вздохнул от этой картины.

«Прекрасная пара, — подумал он. — Если ночью что-то случится, они устроят такой дуэт криков, что хоть в оперу отправляй».

Юй Фансюй, заметив капли пота на лбу старосты и его бегающий взгляд, про себя отметил: вряд ли дело в одной лишь плохой проводке.

Вечером Чэн Минь с трудом помылся, используя грубую деревянную бадью. Фена в этой глуши не было, поэтому он просто кое-как подсушил волосы полотенцем.

Бросив взгляд на свою одежду, он накинул её на плечо и вышел из ванной комнаты.

Юй Фансюй сидел на кровати, изучая ту самую масляную лампу. Услышав звук открываемой двери, он поднял голову и замер.

Чэн Минь стоял перед ним с обнажённым торсом. Его мягкие волосы были влажными, редкие капли воды стекали по шее, а взгляд, подёрнутый дымкой после горячей воды, казался непривычно томным. Он как раз вытирал уши полотенцем.

— Ты чего уставился? — Он покосился на напарника, отвернулся и стал одеваться. Вид его распрямившихся лопаток и тонкой кожи заставил сердце Юй Фансюя пропустить удар.

Тёмно-серая просторная майка скрыла тело, оставив Юй Фансюю лишь возможность запечатлеть в памяти дразнящие очертания плеч.

— Удалось что-нибудь разузнать? — Чэн Минь рухнул на кровать, кивнув на лампу в руках Юй Фансюя.

— А, — Юй Фансюй пришёл в себя. — В целом всё так, как сказал староста. Масло — обычное подношение, фитиль — действительно жила. Но вот эти красные вкрапления...

Красные пятна в жёлтом масле вызвали у Чэн Миня инстинктивное отвращение.

— Это ведь не кровь? — с опаской спросил он.

— Нет, — ответ Юй Фансюя принёс лишь кратковременное облегчение, которое тут же сменилось новым приступом тревоги. — Это цветы берега. Хиганбана.

Хиганбана — кроваво-красный цветок, цветущий на берегах реки Сандзу в подземном царстве. Единственное растение мира мёртвых. Символ смерти и несчастья.

— Цветы не видят листьев, листья не видят цветов... — Юй Фансюй начал было цитировать старое поверье, но Чэн Минь вырвал лампу у него из рук.

— Какая гадость. Выбросить её надо, — проворчал он.

Юй Фансюй потянулся следом и, не рассчитав движения, почти прижал Чэн Миня к кровати.

— Ну чего ты, злишься?

Шёпот раздался прямо над ухом. Чэн Минь на мгновение оцепенел, прежде чем оттолкнуть его:

— Ты ещё в душ не ходил!

Юй Фансюй вскинул бровь: «Значит, если схожу, можно будет обнять?»

Чэн Минь понял намёк без слов, но лишь отвернулся, напустив на себя ледяной вид.

— Про «листья и цветы» — это правда, — Юй Фансюй забрал лампу и поставил её на стол. — Но там ведь не сказано, что листья не могут видеть другие листья...

Чэн Минь переварил услышанное, снова отвернулся и буркнул нарочито грубым тоном:

— Кто тут тебе «лист»...

— Но лампу эту зажигать точно не стоит, — голос Юй Фансюя стал серьёзным. Он смотрел на жуткий предмет с явным подозрением.

Чэн Минь был согласен, но всё же уточнил:

— Почему?

— Хиганбана — это маяк для душ.

Этого краткого объяснения было более чем достаточно.

— Надо предупредить Яо-цзы, — Чэн Минь быстро натянул обувь, собираясь идти к другу.

Но, по счастливой случайности, голос Цинь Яо раздался прямо за дверью:

— Сяо Минь, открой.

Чэн Минь распахнул дверь и увидел, что Чжан Цзыман выглядит темнее тучи. В его руках был обнажённый меч — темно-золотой клинок, от которого веяло холодом и смертью.

А Цинь Яо сжимал в руках расколотую надвое лампу. Срез был идеально ровным, а цвет лепестков внутри казался неестественно алым, вызывая почти физическое отвращение.

— Вы тоже поняли, что с ними что-то не так? — спросил Чэн Минь, впуская гостей в комнату.

— Да, — кивнул Цинь Яо. — Цзыман сказал, что эти цветы приносят несчастье и служат приманкой для мертвецов. Слова старосты об «обереге» — чистая ложь.

Чэн Минь бросил на них многозначительный взгляд: «Цзыман»... Как ласково он его называет.

— Брат Чжан, кажется, рассержен? — с улыбкой поинтересовался Юй Фансюй. Его тон контрастировал с мрачным видом собеседника.

Чжан Цзыман бросил ледяной взгляд в сторону лестницы:

— Если бы Цинь Яо пострадал... я бы его не отпустил.

— Но ведь не пострадал же, — примирительно заметил Чэн Минь. — К тому же, если бы эти лампы и впрямь приманили какую-то дрянь, у тебя был бы шанс блеснуть мастерством.

Чжан Цзыман лишь коротко хмыкнул, оставаясь при своём мнении.

Цинь Яо, совершенно не замечая подоплёки разговора, поднёс обломки лампы к носу и тут же поморщился:

— Какая вонь. Пахнет сырой рыбой и кровью.

— А ты лезешь нюхать всё подряд, — нахмурился Чжан Цзыман, забирая обломки. — Не боишься отравиться?

Чэн Минь про себя отметил: «Ну точь-в-точь насадка над дыплёнком».

— Как думаете, зачем старосте нас губить? — Юй Фансюй постучал по ржавому корпусу лампы. Металл отозвался глухим, мертвенным звуком.

Это был главный вопрос. Если бы староста затаил злобу на чужаков за их неверие в Горного бога, он мог бы пойти против кого угодно, но Цинь Яо всегда был предельно вежлив и соблюдал все местные обычаи. Он никак не должен был попасть в «чёрный список».

Чэн Минь изложил свои мысли Чжан Цзыману, и тот согласно кивнул.

— Это подтверждает мои подозрения, — продолжил он. — Водяной призрак не может обрести покой, пока не найдёт себе замену — «козла отпущения». Обычно они привязаны к тому месту, где утонули, но с помощью этих ламп... границы стираются.

Чэн Минь передёрнуло.

— Выбрось это немедленно! — воскликнул он.

Юй Фансюй же продолжал с интересом разглядывать лампу.

— Интересно, кто их изготовил? Неужели сам староста?

— Я тоже сначала так думал, — ответил Чжан Цзыман. — Но, судя по словам Цинь Яо, староста к нему расположен и вряд ли стал бы вредить сознательно.

В этот момент он снова потрепал Цинь Яо по голове.

— Значит, староста сам не ведает, что творит, — подытожил Юй Фансюй. — Кто-то вручил ему эти лампы и убедил, что они священны и приносят божественную защиту.

— Вот почему он так просил меня беречь её, — догадался Цинь Яо.

— Ты наконец-то всё понял? — удивился Чэн Минь.

— Естественно, — фыркнул Цинь Яо. — Я же не идиот.

Чэн Минь бросил взгляд на Чжан Цзымана, ожидая какой-то реакции, но тот лишь не сводил глаз с Цинь Яо. Однако холод в его взоре сменился иным чувством, которое он старательно прятал в самой глубине души.

Юй Фансюй легонько потянул его за рукав, не желая, чтобы тот засматривался на другого мужчину, и обратился к Цинь Яо:

— А ты знаешь, почему брат Чжан сердится?

— Он сердится? У него же всегда такое лицо, — Цинь Яо широко раскрыл глаза и с опаской посмотрел на Чжан Цзымана. — Ты правда злишься?

Чжан Цзыман промолчал.

— Эх, ты, — Чэн Минь похлопал Цинь Яо по колену. — Почитал бы ты на досуге что-нибудь вроде «Ста восьми способов понять, что ты в отношениях».

— Зачем? — искренне не понял Цинь Яо. — Меня всё равно никакие красивые девушки не любят.

В ту же секунду все, кроме него, почувствовали, как температура в комнате упала на несколько градусов.

— Вот когда соберусь на свидание с красавицей, тогда и буду восполнять пробелы, — беспечно добавил Цинь Яо.

Мороз усилился. Чэн Минь даже подумал, что если запереть этих двоих в комнате и заставить

Цинь Яо весь вечер рассуждать о девушках, то на кондиционере можно будет здорово сэкономить.

— Красивые девушки? — ледяным тоном переспросил Чжан Цзыман. — Ты их хоть знаешь?

Цинь Яо кивнул:

— Конечно. А у тебя есть знакомые? Познакомишь?

— А ты уверен, что знаешь, как с ними обращаться? — вкрадчиво спросил Чжан Цзыман.

Весь пыл Цинь Яо мгновенно испарился. Он понуро опустил голову и выдавил:

— Не знаю...

Если бы знал, не был бы до сих пор один.

Чэн Минь ясно увидел, как Чжан Цзыман улыбнулся — самая искренняя улыбка за всё время их знакомства.

— Может, мне тебя научить?

Чэн Минь и Юй Фансюй переглянулись. Юй Фансюй едва сдерживал смех. Цинь Яо со своей детской непосредственностью ещё мог привлечь девушек, которым нравятся «младшие братики», но Чжан Цзыман...

Да к нему даже парни боятся подходить лишний раз, не то что девушки.

Впрочем, они оба понимали: Чжан Цзыман своего не упустит. На словах — «обучение», а на деле...

Он взял Цинь Яо за руку, переплетая их пальцы.

— Идём. В своей комнате я научу тебя всему. Шаг за шагом.

<http://bllate.org/book/17517/1657028>